

После двух часов всяческой суеты мы наконец покинули дворец. Уже был полдень, когда мы вышли за ворота. Се Цзин молча шёл за мной, лицо белое, как бумага, — выглядел он совсем неважно.

Я человек хоть и грубый, но внимательный к другим. Раз уж Се Цзину было нехорошо, я не мог пройти мимо. Кашлянув, я как бы невзначай спросил:

— Цзыкэ, ты выглядишь неважно. Желудок опять беспокоит?

— Нет... — Се Цзин вдруг остановился, и на лице его отразилась боль. — Да, желудок болит. Полдня провёл в делах, даже позавтракать не успел, ни глотка воды не выпил. Еле держусь.

Судьба мне благоволит! Понимал, что думать так эгоистично, но, глядя на страдания Се Цзина, я почему-то чувствовал странную радость. Я подавил улыбку, подошёл и поддержал его:

— Ты как? Боюсь, до дома не дотянешь. Ладно, сегодня я угощаю, пойдём, поедем чего-нибудь свежего.

Се Цзин не стал возражать и, бледный, позволил вести себя. Шли мы молча, но вдруг он вздохнул:

— Наверное, убийца уже мёртв.

— Не так быстро, — ответил я. — Казнь тысячью порезов — работа тонкая. Если преступник умрёт слишком быстро, палачу не поздоровится. Ты ведь в Министерстве наказаний служишь, должен это понимать.

Се Цзин снова вздохнул:

— Знаю.

Мне стало невыносимо от этой тягостной атмосферы. Поддерживая Се Цзина, я завёл разговор:

— Как у тебя с отцом? Всё ещё в ссоре?

— Нет, — покачал головой Се Цзин. — Теперь я понимаю, что у отца были свои причины. Мы... в общем, теперь ладим.

И снова разговор заглох.

Обычно, когда я гулял с Ши Ичжи, мы то и дело подкалывали друг друга, и хотя это порой доводило до белого каления, зато было весело. Почему же с Се Цзином не клеится? Неужели у нас нет общих тем? Нет, не может быть. Мы с Се Цзином прекрасно понимаем друг друга. Наверное, ему просто больно, вот он и не хочет говорить.

Честно говоря, я был одержим пшённой кашей из «Обители Бессмертных». Но, учитывая, что её варят почти полчаса, а Се Цзин, похоже, еле держался, я повёл его в небольшую харчевню и заказал пельмени со свиной. В миске было пятнадцать пельменей. Се Цзин палочками отложил семь штук, а миску подвинул ко мне:

— Тоже поешь.

Я чуть не поперхнулся чаем. Откашлявшись, я с улыбкой ответил:

— Ешь сам, я не настолько беден, чтобы не мог позволить себе ещё порцию. Мою пока не принесли.

Се Цзин с сомнением посмотрел на меня, вернул пельмени в миску и отодвинул её обратно. В глазах его мелькнуло замешательство.

— Что-то хочешь сказать? — спросил я.

К моему удивлению, Се Цзин смущённо усмехнулся:

— Можно заказать ещё две порции? Мне мало, нужно три.

Чай чуть не пошёл у меня носом. Я кашлял, вытирая лицо, и краем глаза заметил худые руки Се Цзина. Боже, три порции — сорок пять пельменей, каждый размером с детский кулак! Выходит, Се Цзин ест больше меня!

— Что случилось?

— Ничего, ничего! Дядя, принесите ему ещё две порции!

Лицо Се Цзина порозовело. Я, подперев подбородок, с удовольствием наблюдал, как он ест: засовывал в рот по два пельменя сразу, щёки надувались, он быстро жевал и глотал — совсем как белка. Выглядело это очень мило и забавно.

Обычно Се Цзин всегда держался с достоинством, говорил и вёл себя как старик, а тут вдруг проявилась юношеская живость.

Се Цзин быстро расправлялся с едой, а я смотрел на него, радуясь, и даже подвинул свою порцию:

— Хватит? Если нет, возьми и мою.

Се Цзин, с набитым ртом, улыбнулся мне и тут же притянул к себе мою миску.

Теперь я понял, откуда у него проблемы с желудком.

\*Авторское примечание:\*

\*Поправила ошибку под покровом ночи. Убийца выглядит так небрежно, наверное, он поддельный.\*

\*И ещё кое-что: с завтрашнего дня буду выбирать, на какие комментарии отвечать. Я человек вспыльчивый, и иногда, читая ваши догадки, просто не могу удержаться, но если ответу — будет спойлер. Ха-ха-ха.\*

Счастливые мгновения всегда коротки. Я думал, что съесть три, нет, четыре миски пельменей — дело нелёгкое, но Се Цзин оказался так же быстр в еде, как и в делах. За время, пока сгорели две палочки благовоний, от четырёх порций остались лишь бульоны.

После трапезы мы немного прогулялись, и когда вернулись в резиденцию, был уже второй час дня. Войдя, я увидел, как дядюшка Линь распоряжается слугами: убирают остатки еды, накрывают чай. Ши Ичжи, уютно устроившись в кресле, с улыбкой помахивал веером:

— Вернулись?

Я проигнорировал его. Этот наглец, пользуясь тем, что живёт напротив, вечно приходит ко мне обедать и никогда не платит. Искренне жаль продуктов, которые он у меня съедает. Кстати, пока я наблюдал за Се Цзином в харчевне, сам почти ничего не ел, лишь пару глотков бульона сделал, и теперь почувствовал голод. Только я потянулся погладить живот, как дядюшка Линь подскочил с поклоном:

— Вашу порцию подогревают на кухне. Прикажете подать сейчас или позже?

Молодец, не забыл оставить. Я похлопал дядюшку Линя по плечу и спросил с улыбкой:

— Сколько оставили?

Дядюшка Линь покосился на Ши Ичжи и с хитрой улыбкой ответил:

— Хотел побольше, но господин Ши сказал, что раз вы так поздно вернулись, значит, поели в городе. Я подумал, что он прав, и оставил только немного каши, закусок да свежих солёных овощей — чтобы жирное переварить.

Какой жир? Я вообще мяса сегодня не ел! От горла до пупка — одна пустота, даже воды вдоволь не хлебнул. Откуда тут жиру взяться? И дядюшка Линь — ты же у меня управляющий, зачем слушаешь Ши Ичжи, человека со стороны?

Чем больше думал, тем сильнее хотелось есть. Я уже собрался велеть слугам что-нибудь приготовить, как Ши Ичжи, отставив чашку, подошёл ко мне сзади, принялся раз, другой — и в глазах его появилось презрение:

— И не стыдно тебе, скряга? Пельмени — копейки стоят. Такой шанс упустил — повёл свою возлюбленную в такую забегаловку?

Чёрт, Ши Ичжи, ты что, собака?

Если бы он промолчал, я бы не разозлился. Поскольку бороды у меня нет, чтобы её надуть, пришлось ограничиться гневным взглядом:

— Ши Ичжи, тебе больше нечем заняться? Вечно ты ко мне шляешься. Ты же заместитель министра — когда делами заниматься будешь?

— А я и занимаюсь, — щёлкнул, раскрыв веер, Ши Ичжи и с видом человека, смотрящего на дурака, продолжил:

— Я никогда время не тяну. Не все такие, как ты, кто с пустяками по несколько дней ковыряется.

Думаю, есть мне уже не нужно. Чёртов Ши Ичжи меня просто сыт по горло злостью.

Наговорившись, Ши Ичжи вдруг стал серьёзным и засыпал меня вопросами:

— Ладно, по делу. Ты сегодня во дворце настоящего убийцу видел? Что Государь сказал? Он тебя не притеснял? Когда тебя в должности восстановят? — Говорил он очень быстро и с чрезвычайно серьёзным видом, отчего я сначала опешил, а потом и гнев мой поутих.

Вот почему нельзя быть слишком язвительным. Ши Ичжи, например, — мог бы просто проявить заботу, мы же столько лет дружим. Чего перед этим столько колкостей сыпать? Этого человека я действительно не понимаю.

Родители мои после обеда на прогулку отправились, Ланьмэй, наверное, в саду с Хунчжу милуется, так что в главном зале были только я, Ши Ичжи да дядюшка Линь. Я вздохнул, подошёл к креслу, сел, закинул ногу на ногу и махнул рукой дядюшке Линю, чтобы подавал солёные овощи:

— Ши Ичжи, не в обиду будь сказано, но язык у тебя слишком остёр. Смотри, не останешься без жены.

Ши Ичжи закатил глаза и с видом полной непоколебимости ответил:

— Ты ничего не понимаешь. Да и не нужна ты мне в жёны.

Я рассмеялся.

— Хи-хи, маленькая жёнушка сама жены не найдёт! — И тут Ши Ичжи меня ударил. Я съёжился, кивая после каждого удара, и заговорил, не думая:

— Эй, братан, не хочу тебя обидеть, но ты в детстве слишком смело штаны снимал!

Ши Ичжи фыркнул, и взгляд его стал странным. Я, как человек благоразумный, тут же замолчал, выпрямился и, уставившись вперёд, выпалил скороговоркой:

— Я сегодня во дворце настоящего убийцу видел но Государь вёл себя странно не притеснял меня но и в должности не восстановил самое главное — он не сказал когда меня восстановят...

<http://bllate.org/book/15934/1423845>